

## **Проблема обеспечения безопасности участников уголовного процесса по УПК РФ**

С 1 июля 2002 года в Российской Федерации вступил в действие новый Уголовно-процессуальный Кодекс, который оказал существенное влияние на общую картину борьбы с преступностью в нашей стране. Одной из значительных его новаций следует признать появление института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. По нашему мнению, появление данного института свидетельствует о законодательном признании существования фактора противодействия отправлению правосудия. Однако мы не разделяем того оптимизма, с которым была встречена данная новация<sup>1</sup>, поскольку в действительности предложенные меры не обеспечивают ни должной безопасности участников расследования, ни эффективного преодоления противодействия отправлению правосудия.

В современной России при расследовании практически каждого уголовного дела следователи, независимо от их ведомственной принадлежности, сталкиваются с противодействием их законной деятельности. Противодействие расследованию может осуществляться не только участниками судопроизводства, но и иными лицами, которые также могут быть заинтересованы в исходе дела.

Противодействие расследованию и пути его преодоления изучаются учеными криминалистами не один десяток лет. До настоящего времени продолжается дискуссия о понятии, классификации форм и ситуаций противодействия расследованию, предлагаются различные основания классификации. Свои точки зрения на данную проблему высказывали такие ученые как Р.С.Белкин, В.Е.Корноухов, А.Н.Васильев, Г.Н.Мудьюгин, В.В.Трухачев и др.<sup>2</sup>

Постараемся более подробно остановиться на проблеме преодоления противодействия расследованию, осуществляемого путем оказания противоправного воздействия на лиц, являющихся носителями информации, поскольку именно она тесно связана с рассматриваемым институтом обеспечения безопасности участников расследования.

К числу лиц, являющихся носителями информации относятся свидетели и потерпевшие, специалисты и эксперты, понятые, поскольку они присутствовали при производстве следственных дейст-

вий и могут удостоверить полученную информацию, подозреваемые и обвиняемые, сотрудничающие с органами расследования. Помимо лиц, имеющих определенный процессуальный статус, к этой категории можно отнести лиц, располагающих информацией, имеющей значение для дела, но не обладающих каким-либо процессуальным статусом. Это, например, очевидец преступления, о котором следствию ничего не известно и т.п. Необходимо отметить, что действие рассматриваемого правового института распространяется только на лиц, обладающих установленным процессуальным статусом, что следует признать справедливым. По нашему мнению, нельзя говорить об обеспечении безопасности лица, личность и процессуальный статус которого следователю неизвестны.

В законе указано, что меры безопасности могут быть применены только при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями (ч.3 ст.11 УПК РФ). Однако воздействие на лиц, располагающих информацией, может осуществляться как в открытой и явной форме (т.е. путем прямых угроз или требований), так и в скрытой форме (через знакомых, путем подкупа или завуалированного шантажа и т.п.). Не совсем понятен использованный законодателем термин «иные опасные противоправные деяния». Относится ли к этим деяниям угроза распространения порочащих сведений, подкуп и т.п. Авторы комментария к УПК, вышедшего под редакцией В.М.Лебедева и В.П.Божьева, вообще обошли этот вопрос молчанием<sup>1</sup>. Таким образом, можно предположить, что действующий уголовно-процессуальный закон реагирует только на грубое и явное противодействие, причем только в том случае, когда оно носит «опасный противоправный» характер.

Попробуем разобраться в эффективности предложенных законодателем мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

1. В соответствии с ч.9 ст.166 УПК РФ, для обеспечения безопасности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь в праве не приводить данные об их личности в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель. В данном случае следователь с согласия прокурора выносит соответствующее мотивированное постановление, в котором указы-

вается псевдоним лица и образец его подписи, данное постановление помещается в конверт, который опечатывается и приобщается к уголовному делу. Внешне данная норма выглядит очень эффектно — анкетные данные, домашний адрес потерпевшего, его представителя или свидетеля в уголовном деле открыто не фигурируют, обвиняемый (подозреваемый) и его защитник ознакомиться с ними не могут, и, следовательно, не могут оказать на него воздействие. С практической точки зрения скрыть информацию о личности потерпевшего невозможно. Во-первых, потому что его анкетные данные должны быть указаны в его заявлении и первоначальном допросе, поскольку на первоначальном этапе расследования невозможно получить «достаточные данные», которые необходимы для принятия решение о применении мер обеспечения безопасности, иначе как допросив об этом самого потерпевшего или его близких. Основания к применению мер обеспечения безопасности появятся только по окончании данного допроса, а изменить его или убрать из материалов нельзя. Во-вторых, в описательной части постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, при описании объективной и субъективной сторон преступления, мы должны будем указывать не фамилию и имя потерпевшего, а его псевдоним. По нашему мнению, это может привести к нарушению прав обвиняемого на защиту, поскольку он окажется не в состоянии адекватно оценить предъявленное ему обвинение. В качестве последнего аргумента отметим, что, как правило, при совершении преступления обвиняемый непосредственно сталкивается с потерпевшим, следовательно, он уже располагает информацией о его внешности, месте жительства и т.п. Кроме того, как показывает изучение следственной практики, преступления, совершаемые организованными преступными структурами, характеризуется тщательной подготовкой, в рамках которой осуществляется сбор информации о будущей жертве.

Применение рассматриваемой меры безопасности для защиты представителя потерпевшего или свидетеля, также представляется малоэффективной. По мнению большинства ученых, изучавших организованную преступность, в рамках организованных преступных формирований создаются и успешно функционируют разведывательные и контрразведывательные структуры, которые, как правило, укомплектовываются лицами, имеющими навыки оперативно-розыскной работы<sup>4</sup>. С их помощью, можно достаточно быстро и с высокой степенью достоверности установить личность свидетеля, используя содержание его показаний в качестве отправной точки для поиска.

Таким образом, применение данной меры безопасности можно признать малоэффективной, поскольку она не может обеспечить полную безопасность как обычного свидетеля, так и «доверенного лица» оперативного работника, выступающего в качестве свидетеля.

2. В ч.2 ст.186 УПК РФ говорится о том, что при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц, контроль и запись телефонных и иных переговоров допускается по письменному заявлению указанных лиц, а при отсутствии такого заявления — на основании судебного решения.

К мерам обеспечения безопасности данное действие можно отнести с натяжкой, поскольку оно сводится только к установлению факта применения угроз к потерпевшему или свидетелю. По видимому, законодатель полагает, что, получив доказательства угрозы применения насилия и других противоправных действий, следователь использует их для обеспечения безопасности указанных лиц. Однако применение прямых мер обеспечения безопасности в данном случае не предусмотрено. Можно предположить, что следователь использует полученную информацию для обоснования избрания более строгой меры пресечения в отношении обвиняемого (подозреваемого) или изменения ранее избранной. Последнее можно назвать мерой обеспечения безопасности только в том случае, если угроза исходит от обвиняемого (подозреваемого), а как быть, если она поступила от иных лиц, не вовлеченных в процесс расследования? Данный вопрос требует более серьезного рассмотрения и более подробной регламентации в УПК.

3. Ч.8 ст.193 УПК РФ предусматривает возможность проведения опознания в условиях, исключающих возможность наблюдения опознающего опознаваемым, для обеспечения безопасности опознающего. Данная мера предусмотрена в дополнение к указанным выше и направлена на сокрытие от обвиняемого не только анкетных данных потерпевшего или свидетеля, но и их внешности<sup>4</sup>. Следует признать справедливым мнение С.А.Шейфера о том, что рассматриваемые меры безопасности, при их комплексном применении, существенно ограничивают право обвиняемого на защиту.<sup>6</sup> Более того, следователь, прокурор и суд не в состоянии объективно оценить достоверность показаний потерпевшего и свидетеля, поскольку не могут всесторонне исследовать его взаимоотношения с обвиняемым (подозреваемым), а это может привести к серьезным судебным ошибкам. С позиции криминалистической тактики производство опознания в

условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего, дает определенные преимущества. Действительно обеспечивается безопасность опознающего при производстве опознания, нейтрализуется возможность негативного воздействия на него со стороны обвиняемого (подозреваемого), но при этом мы теряем возможность так называемого «встречного опознания» (опознание потерпевшего (свидетеля) подозреваемым), а равно возможность контроля эмоционального состояния подозреваемого. Кроме того, данная мера не обеспечивает реальной безопасности опознающего после производства опознания, поскольку его внешность и анкетные данные могут быть легко установлены сообщниками подозреваемого, путем беседы с понятыми или банальным наблюдением за следователем или зданием соответствующего правоохранительного органа.

4. П.4 ч.2 и ч.3 ст.241 УПК РФ допускают, на основании определения или постановления суда, проведение закрытого судебного заседания — всего либо соответствующей его части, для обеспечения безопасности его участников. Эффективность данной меры обеспечения безопасности также вызывает сомнение, поскольку эффективно можно перекрыть только доступ в зал судебного заседания, но не само здание суда или прилегающую к нему территорию. В данном случае мы не можем полностью скрыть информацию о личности соответствующих участников процесса, а для обеспечения их личной безопасности необходимо предпринимать иные защитные меры, не предусмотренные УПК РФ.

5. Ч.5 ст.278 УПК РФ позволяет суду право, при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, провести его допрос без оглашения данных о личности свидетеля и в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление. Данная мера является логическим продолжением меры безопасности, предусмотренной ч.9 ст.166 УПК, и также не дает полной гарантии безопасности свидетеля.

По нашему мнению, ни одна из перечисленных выше мер не обеспечивает реальную защиту участников уголовного судопроизводства, более того, в УПК РФ ничего не говорится о защите указанных лиц от возможной мести со стороны осужденных, а равно оправданных, после вынесения приговора и его вступления в законную силу.

Таким образом, предусмотренные действующим УПК меры, направленные на сокрытие информации о личности потерпевшего, его представителя или свидетеля, не только не обеспечивают их безо-

пасности при наличии реальной угрозы, но существенно вредят интересам правосудия и существенно ущемляют право обвиняемого на защиту. Оценка достоверности показаний указанных лиц в первую очередь основывается на выяснении их взаимоотношений с обвиняемым (подозреваемым). Если скрыть информацию об их личности от обвиняемого (подозреваемого), то в этом случае следователь и суд не располагают возможностью выяснить мнение обвиняемого по данному вопросу и, следовательно, адекватно оценить достоверность свидетельских показаний. Кроме того, в действующем уголовно-процессуальном законе не предусмотрены меры по обеспечению безопасности обвиняемых (подозреваемых), ставших на путь сотрудничества с правоохранительными органами и активно способствовавших раскрытию и расследованию преступлений. В новом УПК не рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением безопасности иных участников уголовного процесса — судей, присяжных, прокуроров, следователей, сотрудников органов дознания, специалистов и экспертов, которые также нуждаются в защите.

Следует согласиться с мнением В.В.Трухачева который полагает необходимым закрепление в законе и подзаконных нормативных актах следующих средств защиты лиц, обладающих доказательственной информацией:

- 1) превентивных средств защиты;
- 2) средств, устраняющих угрозу;
- 3) восстановительных средств<sup>7</sup>.

В проекте Федерального Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» отмечается, что его действие распространяется не только на потерпевших и свидетелей, но и на иных участников уголовного процесса, оказывающих содействие правосудию, в том числе на обвиняемых (подозреваемых). Отметим, что В.В.Трухачев, полагает, что действие указанного закона должно распространяться на всех участников процесса, в том числе и на лиц, по каким-либо причинам не желающих оказывать содействие правосудию<sup>8</sup>. В ст.12 указанного проекта предусмотрено девять мер безопасности:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества защищаемого лица;
- 2) выдача защищаемому лицу специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;
- 3) наложение временного или постоянного запрета на выдачу сведений из информационно-справочных и иных документальных фондов;

- 4) переселение защищаемого лица на другое место жительства;
- 5) замена документов;
- 6) изменение внешности защищаемого лица;
- 7) изменение места работы (службы) или учебы защищаемого лица;
- 8) временное перемещение защищаемого лица в безопасное место;
- 9) объявление защищаемого лица безвестно отсутствующим или признание его умершим.

К сожалению, ни одна из приведенных мер обеспечения безопасности не нашла отражения в действующем УПК. По нашему мнению, нет необходимости в принятии отдельного закона о защите лиц, содействующих правосудию. Вместо этого необходимо органично ввести в уголовный процесс институт защиты его участников, решив не только вопрос о видах мер обеспечения безопасности, но и основаниях и порядке их применения. В качестве основы данного института необходимо использовать меры безопасности, предложенные в проекте Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству», а не суррогатные меры нового УПК. Отметим, что ни одна из приведенных в проекте мер обеспечения безопасности, при их грамотной регламентации, не влечет за собой ущемления права обвиняемого (подозреваемого) на защиту. Основания и порядок применения мер, направленных на обеспечение безопасности участников процесса, должны быть строго регламентированы, и затрагивать все стадии уголовного процесса, не нарушая при этом законных прав обвиняемого (подозреваемого) и его защитника.

Кроме того, заслуживает безусловного внимания замечание В.В.Трухачева<sup>1</sup> о необходимости не только физической защиты участников процесса, но и процессуальной защиты их прав, в том числе и от лиц, осуществляющих правосудие.

Современное положение дел в сфере борьбы с организованной преступностью свидетельствует об острой необходимости скорейшей разработки и внедрения в практику действительно эффективных мер защиты всех участников уголовного процесса.

### Примечания

<sup>1</sup> См.: Антошина А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: становление правового института // Российская Юстиция. № 8. 2002. С.34-35.

<sup>2</sup> См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: 1997. Т.3 С.240-242; Корноухов В.Е. Учение о противодействии расследованию преступлений: Курс криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В.Е.Корноухов. М., 2000. С.191-200; Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Н., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений. М., 1957. С.217-224; Трухачев В.В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2000. и др.

<sup>3</sup> См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М.Лебедева; научн. ред. В.П.Божьев. М.: Спарк, 2002. С.35-36.

<sup>4</sup> Быков В.М. Преступная группа: криминалистические проблемы. Ташкент: Узбекистон, 1991; Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб.: Питер Ком, 1998; Гурев М.С. Убийства на «разборках»: Методика расследования. СПб: Питер, 2001; Гуров А.И. Красная мафия. М., 1995; Гуров А.И. Профессиональная преступность: Прошлое и современность. М.: Юрид. лит, 1990; Мешкова В.С. Криминалистическая характеристика организованной преступности и ее субъектов: Учебно-практическое пособие. Калининград, 1997; Основы борьбы с организованной преступностью: Монография / Под ред. В.С.Овчинского, В.Е.Эминова, Н.П.Яблокова. М., 1996 и др.

<sup>5</sup> Брусницын Л. Допрос под псевдонимом // Законность. №1. 2003. С.27-29.

<sup>6</sup> См.: Шейфер С.А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК // Государство и право. №2. 2003. С.59.

<sup>7</sup> См.: Трухачев В.В. Указ соч. С.171.

<sup>8</sup> См.: Трухачев В.В. Указ. соч. С.170-172.

<sup>9</sup> См.: Трухачев В.В. Указ. соч. С.169-170.